

Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 96–100.

Giles H., Powesland P. Accommodation Theory // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 232–239.

Hesbacher P., Fishman J. Language Loyalty: Its Functions and Concomitants in Two Bilingual Communities // Lingua. 1965. Vol. 13, N 2. P. 145–165.

Hewstone M., Giles H. Social Groups and Social Stereotypes // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 270–283.

Kalmar I., Zhong Yong, Xiao Hong. Language Attitudes in Guangzhou, China // Language in Society. 1987. Vol. 16, N 4. P. 499–508.

Luhman R. Appalachian English Stereotypes: Language Attitudes in Kentucky // Ibid. 1990. Vol. 19, N 3. P. 331–348.

Глава 4

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ВЫБОР ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ И СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА

В настоящей главе, как и в предыдущей, обсуждается проблема выбора языка; но если ранее этот выбор рассматривался на уровне индивидуальном и временном (двухязычный индивид может в разные моменты жизни, в разных коммуникативных ситуациях переходить с одного языка на другой), то в данном случае речь пойдет о коллективном и окончательном выборе: как и почему языковая общность «выбирает» сохранение своего языка (language maintenance), добавление к нему второго (двухязычие) или замену одного языка на другой (языковой сдвиг, language shift).

Сохранение языка означает, что некая языковая общность «приняла решение» сохранить старый язык и не перешла на новый в условиях, когда такой переход был возможен. Языковой сдвиг, напротив, означает, что общность отказалась от использования старого языка и перешла на новый. Этот переход на новый язык обычно (но не всегда) предполагает более или менее длительный период двухязычия.

ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

Вопрос о причинах языкового сдвига достаточно сложен. Наиболее очевидное объяснение — один язык, оказавшись в контакте с другим, более слабым, распространяется вширь и вытесняет его — просто потому, что его

носители сильнее в политическом, военном или экономическом отношении. Д. Кристал пишет о тесной связи между доминированием языка и культурной мощью: язык существует только в сознании, в устах его носителей. Когда они добиваются успеха — успешен и язык; когда они проигрывают политическое, социальное, экономическое или военное соревнование — язык проигрывает вместе с ними. Язык становится международным по единственной причине: благодаря политической мощи говорящих на нем людей и особенно — их военной мощи. Историю глобальных языков можно проследить по успешным военным экспедициям солдат и моряков, говоривших на том или ином языке (Crystal 1997: 5–7)¹.

Близкие идеи высказывает в одной из статей на эту тему Н. Дориан (Dorian 1982: 45).

Один из наиболее очевидных фактов, относящихся к взлетам и падениям языков, состоит в том, что они связаны со взлетами и падениями политическими. Там, где возникает империя, почти всегда официальный язык этой империи распространяется за счет языков более слабых групп, которые оказываются поглощенными или даже просто политически зависимыми от имперских властей.

Это, несомненно, верно, однако такая трактовка объясняет только распространение некоторых языков на больших территориях, где прежде на них не говорили, но не феномен языкового сдвига: почему люди, населяющие эти территории, не задерживаются на стадии двуязычия, а перестают говорить на своих исконных языках и переходят на новый язык — язык империи?

Пытаясь ответить на вопрос о причинах языкового сдвига, исследователи часто ограничиваются биологической аналогией или биологическими метафорами (например, метафорой языковая смерть). Само понятие «языки, находящиеся в опасности» (*endangered languages*), заимство-

¹ См. русский перевод этой книги: Кристал 2001.

вано лингвистами у биологов из тех областей биологии и экологии, которые изучают исчезающие биологические виды (*endangered species*). С биологической точки зрения, «в опасности» находятся те растительные и животные виды, которые по каким-то причинам потеряли способность к самовоспроизводству. Перенеся этот принцип на язык, исследователи говорят о том, что и здесь существуют языки-хищники и языки-жертвы, борьба за выживание и естественный отбор, экологическое равновесие и его нарушения (см., например: Krauss 1991; Krauss 1992; Wurm 1991; и мн. др.). В опасности, следовательно, оказываются языки, носители которых под давлением более сильных и агрессивных языков потеряли способность (или желание) передавать свои языки следующим поколениям.

Вместо метафоры «языковая смерть» часто используют термин «вырождение языка» (*language degeneration*); Н. Денисон предлагает метафору «убийство языка» (*linguicide*), считая ее более точной: культура «сама решает» отказаться от языка и «убивает» его, когда многоязычные родители в какой-то момент перестают считать целесообразным или нужным говорить со своими детьми на языке или языковом варианте, имеющем низкий престиж (Denison 1977: 21). Дети также утрачивают мотивацию активно владеть языком, который лишен положительных коннотаций: таких как молодость, современность, технические навыки, материальный успех, образование (Там же).

Часто используемое объяснение причин исчезновения языка — язык меньшинства «теряет социальный престиж; это ведет к утрате сфер функционирования, что, в свою очередь, приводит к предпочтению говорящими другого языка» (Harris 1982: 71).

Нужно иметь в виду, что попытки расположить факторы, влияющие на языковой сдвиг, в причинно-следственный ряд (утрата престижа вызывает утрату сфер функционирования, что, в свою очередь, влечет за собой изменение предпочтений, и т. д.) не слишком убедительны. Обычно

подобные факторы даются в виде неструктурированного списка, например:

- исторические (ситуация до контакта),
- демографические (размер группы, браки, рождаемость и др.),
- географические (изолированность, теснота расселения и др.),
- социально-структурные (социальный уровень, экономические ниши, распределение власти),
- институциональные (школы, религия, средства массовой информации и др.),
- отношения (внутри- и внегрупповые отношения меньшинства).

При анализе ситуаций языкового сдвига необходимо учитывать ряд факторов.

1) **Число носителей.** Чем больше людей говорит на языке, тем меньше шансов, что этот язык перестанет употребляться. Однако сама по себе высокая численность носителей языка не дает гарантий его сохранения. И наоборот, небольшая численность народа не означает, что его язык обречен на вымирание. Интересно, что численность говорящих на языке как на первом, которая может считаться критической для выживания языка, различна для разных частей света. В качестве иллюстрации приведем таблицу из статьи Дж. Граймса (Grimes 1995: 1–12).

Регион	Число языков		Критическая численность говорящих на языке для угрозы его исчезновения	
	Всего	Есть данные по	Потенциальной	Реальной
В мире	6528	5440	1310	700
Тихий Океан	1336	1285	225	70
Азия	1880	1593	3240	640
Африка	1916	1490	5000	1500
Северная Америка	483	452	600	300
Южная Америка	427	382	350	60
Европа	209	153	20000	—

Дж. Граймс исследовал количественные характеристики (число говорящих) тех языков, число носителей которых приближается к опасной черте, и пришел к выводу, что попадания языка в критическую или в потенциально опасную зону недостаточно, чтобы говорить о том, что существование языка находится под угрозой. Можно лишь утверждать, что большинство языков, которым предстоит исчезнуть в будущем, скорее всего, находятся в критической зоне и имеют критическое число говорящих. Малое число говорящих само по себе не влечет за собой исчезновения языка (Там же: 9).

2) **Языковое окружение.** Чем больше контакт с другими языками, тем менее жизнеспособен язык (ср.: Kibrik 1991: 260). Однако зависимость здесь явно более сложная: двух- или трехъязычие, распространенное в каком-либо регионе, в большинстве случаев не мешает контактирующим народам разговаривать *внутри своей группы* на родном языке². Кроме того, языковое окружение не существует само по себе: оно меняется в силу каких-то внешних причин — после переселения группы в другое место, в результате притока иммигрантов, изменения типа хозяйственной деятельности и т. п. Каждая из этих внешних причин создает новую ситуацию и лишь отчасти воздействуют на языковую ситуацию напрямую.

3) **Тип хозяйственной деятельности.** Если языковая общность сохраняет традиционную хозяйственную деятельность, то высоки шансы, что она будет осуществляться моноэтническими группами; это, естественно, будет способ-

² Как пишет Р. Аустерлиц, «возможно, мы, люди Запада, смотрим на двуязычие и многоязычие как на исключение, в то время как они, по сути, являются правилом во многих частях света, в особенности до образования национальных государств» (Austerlitz 1982: 56). Ему вторит Д. Кристал: примерно две трети детей мира рождаются и живут в двуязычном окружении и способны свободно говорить на двух языках (Crystal 1997: 14); одноязычие, таким образом, — это удел меньшинства населения Земли (ср. также: Grosjean 1982).

ствовать сохранению языка. Кроме того, люди, занимающиеся традиционными видами деятельности, часто вынуждены сохранять если не язык в полной мере, то хотя бы соответствующую терминологическую систему, без которой такая деятельность затруднительна. Напротив, люди, переходящие на работу по найму, попадают, как правило, в иноязычное окружение, что ускоряет языковой сдвиг. Однако этот признак нельзя считать независимым: люди сохраняют традиционную хозяйственную деятельность или отказываются от нее под воздействием каких-то экологических, социальных, политических или экономических факторов — но тогда именно эти факторы, а не тип хозяйства следует рассматривать как более глубокую причину языкового сдвига или его отсутствия. Более того, этот признак не всегда «работает»: так, существуют многочисленные примеры, когда экономические изменения не ведут к языковому сдвигу.

4) Воспроизведение языка. Если язык нормальным образом передается детям, то его шансы на выживание, естественно, выше, чем в случае, если такая передача прервана. Однако передача языка детям не гарантирует его сохранности: возможна ситуация, когда язык был передан детям нормальным образом, и они могли бы говорить на нем, но сознательно отвергают такую возможность и переходят на другой язык. Кроме того, этот фактор также взаимосвязан с другими: передача языка детям может прекратиться по целому ряду причин — от принуждения со стороны властей до добровольного решения родителей.

5) Межнациональные браки. По-видимому, влияние этого фактора вполне реально в том случае, если женщины стремятся выйти замуж вне пределов своего народа и создают смешанные семьи с представителями другого народа. Однако одного этого условия недостаточно, чтобы дети, рождающиеся в такой семье, выучивали бы язык отца, а не матери: для того чтобы это происходило, мать должна сама сознательно перейти на язык семьи мужа и не говорить с ребенком на родном языке — а мотивы такого решения лежат вне пределов брачных отношений.

6) Языковая политика государства. Нет сомнения, что политика государства, направленная на распространение, например, государственного или официального языка на отдаленных территориях, населенных разноязыкими группами, может дать свои плоды. Такая политика обычно проводится через школу, через обязательные программы обучения и способна за одно-два поколения достичь своей цели. Однако введение общегосударственного языка в качестве второго совсем не обязательно автоматически повлечет за собой утрату первого, родного языка. Политика же, направленная на прямое *подавление языка*, тоже, конечно, возможна, однако и ее последствия неоднозначны.

7) Престиж языка. Когда титульный язык становится непрестижным, а доминирующий — престижным, возникают условия для языкового сдвига. Однако низкий престиж языка сам по себе не предрекает языкового сдвига: два языка — один с низким, другой с высоким престижем — могут мирно сосуществовать в течение длительного времени. Кроме того, падение или рост престижа языка не происходят сами по себе: чтобы это произошло, язык должен прочно увязываться с социальным, экономическим или иным статусом говорящей на нем группы.

8) Наличие или отсутствие письменности. Этот фактор также часто называют в числе прочих, когда говорят о языковом сдвиге: язык коренного населения, не имеющий письменной традиции, имеет тенденцию уступать другому, более «сильному» и агрессивному языку, у которого такая традиция есть. Однако этот фактор не играет существенной роли. Зависимость между наличием письменности и шансами языка на сохранение прослеживается, но опосредованно.

Разнообразные факторы, влияющие на сохранение языка, взаимосвязаны, но не выстраиваются в причинно-следственную цепочку: наличие одного или нескольких из них лишь *создает условия*, при которых может произойти языковой сдвиг, а не *предрекает его*.

Говоря об исчезновении аборигенных языков Австралии, Р. Диксон (Dixon 1991: 236) приводит следующий список факторов, которые повлияли на этот процесс.

1) **Настойчивость белых.** Речь идет о принятой во многих миссиях и государственных органах ассимиляционистской политике, когда детей отрывали от родителей, иногда насильно, и помещали в школы интернатского типа, где разрешалось говорить только по-английски. В школах местные языки были повсеместно запрещены.

2) **Выбор аборигенов.** Многие аборигены решили как можно больше получить от новой ситуации — т. е. ситуации меньшинства в обществе европейского типа. Родители, желавшие своим детям успеха, говорили с ними только по-английски.

3) **Сдвиг культурных акцентов.** Люди, говорящие на двух языках, обычно используют их в разных обстоятельствах: аборигенные языки — на охоте, в быту среди своих; английский — в общественной сфере и с чужими. Однако сравнительная роль этих двух сфер постепенно меняется: все меньше времени отводится охоте и общению со своими, и соответственно аборигенные языки используются все реже.

4) **Давление средств массовой информации.** На радио, на телевидении³, на видео, в газетах, журналах, кни-

³ Относительно роли средств массовой информации, и в частности телевидения, существуют разные мнения. «Такое ощущение, — пишет, например, Дж. Чамберз, — что телевидение является основной гипотезой в поисках причин серьезных языковых изменений для всех, кроме социолингвистов, которые занимаются исследованием этих причин. <...> Социолингвистические данные опровергают глубоко укоренившееся убеждение, что средства массовой информации в значительной мере влияют на язык» (Chambers 1998: 124). И далее, приведя несколько цитат из художественной литературы про то, как радио и телевидение стирает диалектные оттенки, автор утверждает: это — чистая фантазия, социолингвистическая научная фантастика (Там же: 125).

гах, в школьном обучении используется главным образом английский, таким образом поощряя ребенка говорить по-английски.

ТЕМПЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

Языковой сдвиг может быть *медленным* (сотни лет), *быстрым* (три-четыре поколения) и *катастрофическим* (одно-два поколения). В зависимости от темпа сдвига можно говорить о «внезапной смерти» (sudden death) или о постепенном отмирании функций, начиная с публичных при сохранении языка в домашней сфере или, наоборот, с домашних, когда в конце концов у старого языка остается только ритуальная или (реже) поэтическая функция (так называемая bottom-to-top death).

Примером медленного сдвига могут служить кельтские языки в Великобритании; примером быстрого — европейские языки в общинах иммигрантов в США или Австралии. Однако в современной науке термин языковой сдвиг применяется преимущественно к катастрофическому сдвигу. Именно этот тип сдвига — переход этнической группы на другой язык на протяжении жизни одного-двух поколений — мы и будем в основном рассматривать в этой главе.

Процесс языкового сдвига идет во всем мире. Основными причинами сдвига являются

- 1) добровольный или вынужденный выбор носителей языка, сознательно или под давлением общественного мнения отказывающихся от использования титульного языка в пользу доминирующего;
- 2) принуждение со стороны государства.

Что касается добровольного или вынужденного выбора, то здесь важны такие факторы, как престижность, мнение окружающих, экономические и социальные выгоды. Так, С. Гарзон прослеживает языковой сдвиг в Мексике (с языка текитеко на испанский) и отмечает, что

причина сдвига — низкий престиж родного языка. Школьные учителя смеются над детьми, когда те говорят на этом языке. С текститеко связан низкий социальный статус, что еще усиливается боязнью насмешки со стороны других (Garzon 1992: 57–58). В значительной степени текститеко не используется больше как средство «серьезной» коммуникации. Пожилые люди, пытающиеся говорить на этом языке с внуками, также часто сталкиваются в ответ с насмешкой.

Этот же мотив звучит и в других исследованиях. Д. Кристал цитирует отрывок из книги кенийского писателя, в которой тот вспоминает свои школьные годы:

Английский стал языком моего формального образования. В Кении английский стал больше чем языком: он стал главным и единственным языком и все прочие языки должны были почтительно склониться перед ним. Из самых унизительных переживаний — быть застигнутым на территории школы, когда говоришь на кикуйу (родной язык автора. — Н. В.). Нарушитель подвергался телесному наказанию — от трех до пяти ударов палкой по голым ягодицам, или его заставляли носить на шее металлическую бляху с надписью: «Я дурак» (Crystal 1997: 115).

Естественно, прошедшие через этот печальный опыт дети, становясь взрослыми, стремятся оградить от аналогичных переживаний своих детей. Для американской группы индейцев кри, например, одна из обычных стратегий поведения — говорить дома только по-английски, чтобы дети понимали его, когда придут в школу. Это приводит к тому, что дети начинают хуже понимать кри, хотя он и звучит вокруг них постоянно (Darnell 1971: 168).

Однако при анализе условий языкового сдвига нельзя сбрасывать со счетов и ситуации, когда языковой сдвиг происходит в результате простого и грубого принуждения со стороны государства. В конце 1950 — начале 1960-х годов во всем мире (Южная Америка, Австралия, США, Канада, Крайний Север России) наблюдалась одна и та же картина:

на: местные власти в принудительном порядке забирали детей из семей в школы-интернаты, часто вопреки желанию родителей, — а в этих школах учились вместе дети разных национальностей, и единственным языком, общим у детей и между детьми и учителями, был государственный язык (соответственно испанский, английский или русский). В австралийской научной и публицистической литературе используется термин *украденное поколение* (*stolen generation*) для обозначения детей, прошедших через насилиственные школы-интернаты. То же происходило и на Аляске: описание «увоза детей» и их положения в аляскинских интернатах очень напоминает то, что происходило в СССР примерно в то же время. Здесь, конечно, не приходится говорить о каком-либо добровольном выборе: это — чистое насилие (как всегда, осуществляемое с самыми благими намерениями).

РАЗРЫВ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Для двуязычных общин распространенным вариантом нормы является ситуация диглоссии, когда коренные жители рассматривают родной язык как язык бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности, реже — школьного обучения, а государственный язык — как язык для всевозможных видов общения с «внешним» по отношению к общине миром.

Для многоязычных общин нормой является положение, когда каждая этническая группа имеет свой язык, на котором ее представители говорят друг с другом; каждая группа в той или иной мере понимает этнические языки других групп, и, сверх того, в общине существует один «общий» язык, на котором способны разговаривать все ее члены, и один «международный» язык для общения с внешним миром — язык общения с приезжими, язык массовой коммуникации и др. «Этнический», «общий» и «международный» языки могут в ряде случаев совпадать.

Если языковой сдвиг идет «катастрофическими» темпами, то часто в результате степень владения языком с какого-то момента начинает зависеть от возраста носителей. Языковые коллективы расслаиваются на возрастные группы (поколения), причем старшие являются одновременно носителями языковых и культурных традиций, а младшие, напротив, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре и соответственно ориентированы не на родной, а на доминирующий язык.

При этом может возникнуть ситуация, когда языковая община разделяется не на две возрастные группы — старшую и младшую, а на три. В этом случае между двуязычным «старшим поколением», предпочтитающим использовать для общения родной язык, и одноязычным «младшим поколением», которое более охотно пользуется государственным (соответственно русским, английским и др.) языком и часто вообще не знает тигульского языка, располагается возрастная группа, которую можно назвать *переломным поколением*. Эту группу (ее возраст колеблется в пределах 30–50 лет) можно еще назвать и *полуязычной* в том смысле, что одни ее представители уже начали утрачивать титульный язык и предпочитают государственный, в то время как другие еще недостаточно владеют государственным языком. Такая ситуация приводит в конечном счете к разрушению нормального общения между членами коллектива: «переломное поколение» не способно нормально общаться ни со своими родителями, ни со своими детьми; титульный язык не передается детям и, как следствие, утрачивается.

Наличие «переломного поколения» — это, с одной стороны, симптом кардинальной трансформации языковой ситуации, возможно — признак исчезновения языка, а с другой — серьезная проблема для всех, кто занимается социальным и языковым планированием.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЯЗЫКИ В МАСШТАБАХ ПЛАНЕТЫ

В 1991 году Американское Лингвистическое Общество организовало в рамках своей 65-й ежегодной конференции специальный симпозиум по проблеме языков, находящихся в опасности. Материалы этого симпозиума были опубликованы в 1992 году в журнале «Language» (Vol. 68, N 1). С тех пор количество публикаций по этой проблеме постоянно растет.

М. Краусс (Krauss 1992) выделяет три категории языков: умирающие (*moribund*), находящиеся в опасности (*endangered*) и находящиеся в безопасности (*safe*). Умирающими он называет те языки, которые уже перестали выучиваться детьми как родные. В опасности, по его схеме, находятся те языки, которые, если сохраняются существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем столетии. Наконец, безопасные языки — это те, относительно которых нет сомнений, что дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем. Вот что пишет М. Краусс о состоянии языков (Там же):

Обстоятельства, которые привели к существующему уровню языковой смертности, лежат в диапазоне от прямого геноцида — через разрушение социальной среды, экономики или среды обитания, насилистенные переселения, демографическое давление, подавление языка в ходе насильтвенной ассимиляции или ассимилятивного образования — до бомбардировок электронными средствами массовой информации, в особенности телевидения, — нового оружия, разрушительные последствия которого неисчислимые и которое я называю «культурным нервно-паралитическим газом».

И далее:

Следует серьезно пересмотреть наши приоритеты, иначе лингвистика войдет в историю как единственная наука, проморгавшая исчезновение 90 % того объекта, который она призвана изучать.

Серьезность этой проблемы может быть проиллюстрирована следующими цифрами⁴.

По разным источникам, в мире насчитывается от 6000 до 6500 языков; подсчет, естественно, затруднен прежде всего отсутствием надежных данных⁵, а кроме того, неясностью границы язык/диалект. Большинство лингвистов считают сейчас число в 6000 наиболее близким к реальности.

Распределение этих языков неравномерно: в Европе и на Ближнем Востоке вместе — всего 275 (4 %), в обеих Америках — 900 (15 %) языков; оставшийся 81 % языков мира приходится на Африку (1900) и Азию с Тихим океаном (3000).

Самой лингвистически богатой страной является Папуа-Новая Гвинея — 850 языков, за ней идет Индонезия — 670 языков; в Нигерии — 410, в Индии — 380, в Камеруне — 270, в Австралии — 250, в Мексике — 240, в Заире — 210 языков. Еще 13 стран имеют каждая от 100 до 160 языков: Бирма, КНР, Малайзия, Непал, Новые Гебриды, Россия, Судан, США, Танзания, Филиппины, Центрально-Африканская Республика, Чад и Эфиопия. В этих 22 «верхних» странах сосредоточено порядка 5000 языков мира.

Согласно прогнозу М. Краусса (Там же), если темпы исчезновения языков сохранятся, то через сто лет из 6000 языков на Земле останется 600, т. е. 90 % языков мира будут утрачены безвозвратно. Автор сравнивает эту ситуацию с положением в биологии: по официальным данным, 7.4 % видов млекопитающих и 2.7 % видов птиц относятся к угрожаемым. При этом количество средств, людей и энергии,

⁴ Данные по Российской Федерации см.: Языки народов России 2002.

⁵ Интересно, что, по данным, приводимым М. Крауссом (Там же), число языков мира, в оценке лингвистов, растет с каждым годом по мере расширения наших знаний: в 1977 году подсчеты давали 4500, в 1987-м — 5000, в 1988-м — 6000, в 1991 году — 6500 языков.

которое человечество тратит на наблюдение за биологическими видами, на спасение видов и т. п., несравнимо с затратами на сохранение исчезающих языков.

Одной из причин быстрого исчезновения языка является целенаправленная государственная политика. Точно так же, казалось бы, сохранение языков в «безопасной» группе может быть результатом специальной «позитивной» политики государства. Однако в мировом масштабе этот фактор, даже если такая политика и будет повсеместно принята, не сможет оказать большого влияния на ситуацию по той причине, что государство поддерживает, как правило, государственный язык, — а в мире на 6000 языков приходится всего около 170 государств, и в 45 из них государственным, официально поддерживаемым языком является английский, в 30 — французский, в 20 — испанский, еще в 20 — арабский и в 6 — португальский. Таким образом, лишь примерно 50 из 6000 мировых языков (в оставшихся 50 государствах) могут рассчитывать на государственную поддержку.

ЯЗЫКОВАЯ ЖИЗНеспособность. СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА

Процессы языкового сдвига идут повсеместно, число языков на Земле сокращается. Однако ситуация языкового сдвига далеко не однозначна: это не односторонний процесс, когда малые языки последовательно, с той или иной скоростью вытесняются большими. У процесса есть и противоположный вектор: так называемая языковая устойчивость (*language maintenance*). Выбор языковой общностью того или иного направления развития (в сторону сдвига или в сторону сохранения языка) зависит от этноязыковой жизнеспособности (*ethnolinguistic vitality*).

Этот подход впервые наметился в середине 1970-х годов (см.: Giles et al. 1977). Этноязыковая жизнеспособность

описывается с помощью трех независимых, но связанных измерений, или социолингвистических переменных: статус, демография и институциональная поддержка. Статус включает престижность группы в обществе, престижность ее языка в обществе и относительный достаток группы; демография — абсолютное число членов группы, рождаемость, экзо- или эндогамные браки, иммиграционное или эмиграционное поведение группы; к институциональной поддержке относятся средства массовой информации, образование, деятельность правительства, культурная деятельность, степень контроля группы над политическими и финансовыми обстоятельствами.

Группе не обязательно иметь высокие показатели по всем трем параметрам, чтобы чувствовать себя в безопасности. Большие или меньшие шансы выжить имеет группа с высокой суммарной этноязыковой жизнеспособностью.

Выделяют объективную и субъективную этноязыковую жизнеспособность: *объективная* может быть измерена с помощью демографических справочников, публикаций и описаний (см.: McConell 1996); *субъективная* — по так называемому Вопроснику по субъективной жизнеспособности (*Subjective Vitality Questionnaire*) (см.: Bourhis et al. 1981: 144–155). Из двух типов этноязыковой жизнеспособности субъективная оказалась значительно полезнее как инструмент исследования. Она иногда оказывается близка к той, которая вычислена «объективными методами», но это не обязательно: в межгрупповые отношения группа вступает именно как носитель субъективной этноязыковой жизнеспособности. Субъективную этноязыковую жизнеспособность иногда называют «воспринимаемая» (*perceived ethnolinguistic vitality*, PEV).

Бывает, что изучение PEV приводит к выявлению иных по сравнению с исходными параметров, которые оказываются существенными для жизнеспособности группы: например, политической, языковой или культурно-религиозной PEV.

Вопросник по субъективной жизнеспособности разрабатывался в работах разных исследователей и известен сейчас под названием «Beliefs on Ethnolinguistic Vitality Questionnaire»⁶: оказалось, что изучение представлений о жизнеспособности языка дает возможность делать более точные прогнозы и получать более точные данные, чем изучение самой этой жизнеспособности.

ЯЗЫКОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

Утверждения, что язык той или иной малочисленной этнической группы находится на грани исчезновения, давно уже стали привычными. Они повторяются из работы в работу на протяжении последних ста лет: аналогичными пессимистическими прогнозами изобилуют публикации конца XIX — начала XX века (подробнее см.: Вахтин 1998; там же см. библиографические ссылки).

Покажем это на примере Сибири. Уже первые исследователи Сибири ехали «в поле», веря, что им предстоит описывать «вымирающих инородцев». В инструкции, которую подготовил академик Шенгрен (*Schoengren*) в 1845 году для М. Кастрена, финского ученого, исследователя Западной Сибири, говорилось: «Г. Кастрену поручается все народы... на пространстве между Енисеем... и Обью... точно исследовать в этнографическом и лингвистическом отношении». Шенгрен мотивировал это тем, что «первобытные жители Сибири» находятся в таком состоянии, что «не должно упускать время, чтобы ныне спасти об них сколько можно сведений».

⁶ См.: Allard, Laudry 1986: 1–12. Подробнее об истории появления и развития идеи этноязыковой жизнеспособности см.: Willemyns et al. 1993: 481–497.

С тех пор подобные утверждения не перестают повторяться. Вот несколько характерных примеров (ссылки см.: Вахтин 2001: 264 и сл.).

В 1860-е годы, в своей книге, посвященной путешествию в северо-восточную Якутию, Г. Майдель писал о юкагирах рек Большой и Малый Аниой:

...теперь там живет всего несколько семей, которые, впрочем, уже совершенно забыли свою речь и приняли как язык, так и образ жизни русских.

Через 40 лет, в 1900 году, В. Иохельсон писал о юкагирах тех же мест так:

Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а само племя прекратит существование, частично вымерев, а частично растворившись в окрестных племенах...

Еще через 80 лет, в конце 1980-х, Е. Маслова пишет о том же юкагирском языке, опираясь на полевые данные 1987–91 годов:

Большинство юкагиров старшей возрастной группы владеет двумя или тремя языками, причем первым является юкагирский. Среди тундреных юкагиров эта группа составляет около 20 %, среди колымских — около 10 %. Для следующей возрастной группы... на первое место выходит русский и/или якутский.

Мы видим, что в течение 120 лет ситуация с юкагирами и юкагирским языком, как ее видят и описывают исследователи, остается примерно одинаковой. То же писали и о других народах Севера, и о коренных народах других частей света — Африки, Австралии, Северной и Южной Америки. Настойчивые пророчества вырождения и гибели народов, их языков и культур звучат постоянно, однако культуры и языки оказываются гораздо более устойчивыми, чем ожидалось. Ученые вынуждены постоянно «опровергать» своих предшественников и самих себя, уточняя пессимистические прогнозы.

Несмотря на то что существует множество надежно документированных фактов языковой смерти, имеются и обратные примеры: языки, считавшиеся умершими, оказываются живы.

ПРИЧИНЫ ЯЗЫКОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

1) Сознательные усилия по сохранению языка. Люди, говорящие на языке, способны активно реагировать на процессы, происходящие с их языком. В предисловии к одной из своих книг Дж. Фишман (Fishman 1991) пишет, что за каждой неудавшейся попыткой усиления этнолингвистического регулирования, т. е. попыткой укрепить позиции того или иного языка, скрывается множество мелких локальных удач и достижений, и констатирует, что слишком поздно осознал этот факт, а следовательно — переоценил в своих работах значение языкового сдвига. Проблема утраты языка, удачи или неудачи мер по его сохранению должна рассматриваться не в абсолютных терминах (победа — поражение), а в относительных: сохранены или восстановлены отдельные функциональные области языка, решены ли локальные задачи.

Эти усилия могут быть коллективными (например, учителя-энтузиасты изменили по собственному почину программу школьного преподавания и начали с успехом учить детей языку); они могут быть индивидуальными (например, в семье родители или бабушка могут сознательно принять решение говорить с детьми на родном языке). Такие усилия, со стороны почти незаметные, могут надолго продлить жизнь языка.

2) Ошибка в оценке состояния языка. Оценка состояния языка строится на наблюдениях, а также далеко не в последнюю очередь на свидетельствах самих его носителей. Часто бывает, что даже среднее поколение утверждает, что «они забыли язык»; но через несколько лет, когда эти люди оказываются старшим поколением, выясняется,

что они вполне способны объясняться на данном языке. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне общего для данного языкового коллектива языкового сдвига появляется своеобразная «ретросия», возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли.

Ретрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры известно: в какой-то момент человек начинает испытывать потребность в традиции, в соблюдении старых обрядов, начинает чувствовать себя «носителем традиции» — даже если он никогда прежде не задумывался о подобных вещах. Дело в том, что человек занимает некоторую освободившуюся «поколенческую» культурную нишу: окружающие начинают ожидать от него знания традиции, и он, естественно, старается соответствовать ожиданиям. Сходный процесс, хотя это и может показаться не столь очевидным, происходит и с языком. Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и в изменении оценки («изменении ожидания») со стороны окружающих.

В ситуации, когда один язык достаточно быстро уступает место другому, существуют универсальные правила «взаимного ожидания» того, какой язык окажется доминантным для данной возрастной группы. В этой ситуации естественно, что каждое следующее поколение говорит на родном языке хуже, чем предыдущее, причем этот факт осознается обоими поколениями — например самым старшим (A) и следующим за ним (B). Поколение B всегда знает, что говорит хуже, чем это в принципе возможно, — и поэтому старается говорить поменьше, в особенности при «стариках». Сравнивая себя с поколением A, это поколение утверждает, что говорит на языке плохо, — и то же самое скажет о нем любой член общины: всем известно, что существует более богатый и «правильный» язык, чем тот, на котором может говорить поколение B.

Но когда поколение A сходит со сцены, поколение B автоматически становится лучшим знатоком родного языка — просто потому, что лучше них никого нет. Языковая компетенция этого поколения в общем-то всегда была достаточна для нормальной коммуникации на данном языке; она была «ущербной» только в сравнении с компетенцией предыдущего поколения, да и то не в силу реальной ущербности, а главным образом из-за психологических барьеров. Теперь же гнет психологического «комплекса лингвистической неполноценности», из-за которого поколение B всю жизнь стеснялось говорить на родном языке, опасаясь быть осмеянным, оказывается снятым — и выясняется, что его языковая компетенция достаточно велика.

Конечно, объективно этот язык отличается от языка ушедшего поколения, однако этим слегка изменившимся языком поколение B будет владеть совершенно свободно.

Механизм ретрессивного восстановления языка у старшего поколения может действовать лишь при условии, что язык усвоен этим поколением в младенчестве. Такой язык, даже будучи вытеснен в пассивную зону, при благоприятных обстоятельствах может восстановиться. Этот механизм не может действовать бесконечно, однако его наличие существенно продлевает жизнь любого языка, даже если на первый взгляд этот язык находится «на грани исчезновения».

3) Несовпадение объема понятий «исчезновение языка» для внешнего и внутреннего наблюдателя. Значение самого слова «исчезновение» понимается разными людьми по-разному. Приведенный выше парадоксальный пример ретрессивного восстановления языка у старшего поколения можно объяснить тем, что лингвисты и этнографы, описывающие некоторую ситуацию, невольно путают два понятия: *умирание языка и культуры* и *трансформацию языка и культуры*.

Здесь методологически важно отказаться от взгляда на язык и культуру как на конгломерат «старых» (этнических, нормальных, правильных) и «новых» (чужих, за-

имствованных, посторонних) элементов и рассматривать их как постоянно подвергающиеся трансформации. Следует говорить о континууме, в любой точке которого существует сочетание «традиционных» (этнических) и «новых» (привнесенных) элементов. По сути дела, никакой язык и никакая культура никогда не находятся в статическом и изолированном состоянии; процесс трансформации идет постоянно, он является характеристикой любого языка и любой культуры.

Приведем только один пример: язык алеутов острова Медный. Язык медновских алеутов в каком-то смысле уникален. Сильно упрощая ситуацию, можно сказать, что у этого языка корни слов заимствованы в основном из одного языка, алеутского, а окончания слов — из двух языков, алеутского и русского (подробнее см. гл. 5). Ср.:

Пенсия=м куга у=ю, и все равно я аба=ю.

Я на пенсии, и все равно я работаю.

В предложении подчеркнуты элементы русского происхождения. При этом говорящие на этом языке уверены, что их язык ничего общего с русским не имеет. Важно, что хотя алеутский язык, на котором когда-то говорили жители острова, с точки зрения внешнего наблюдателя, «исчез», с точки зрения общины он существует. Современный язык медновских алеутов успешно выполняет все необходимые функции: на нем иногда говорят, он является мощным средством самоидентификации, т. е. сохранения группы как единой этнической общности. С одной стороны, язык, на котором говорили 100–150 лет назад, конечно, «исчез» (или, точнее, — существенно трансформировался); с другой стороны, язык, помогающий общине сохранить самоидентификацию, тот язык, который сами говорящие рассматривают как прямого потомка «старого» языка, — этот язык, несомненно, «жив».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
Казакевич О. А. Языки малочисленных народов России // Человек. 1996. Вып. 4. С. 149–161.

Campbell L. Language Death // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by R. E. Asher. Oxford: Pergamon Press, 1994. Vol. 4. P. 1960–1968.

Dixon R. M. W. The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania // Endangered Languages / Ed. by R. H. Robins, E. M. Uhlenbeck. Oxford; New York: Berg, 1991. P. 229–255.

Wurm S. A. Language Death and Disappearance: Causes and Circumstances // Ibid. P. 1–18.

Дополнительная литература

Данеш Ф., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык, культура, этнос. М., 1994. С. 27–39.

Казакевич О. А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития / Ин-т языкоznания РАН. М., 1994. С. 110–123.

Крысин Л. П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык, культура, этнос. М., 1994. С. 66–78.

Aikio M. Some Issues in the Study of Language Shift in the Northern Calotte // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1986. Vol. 7, N 5. P. 361–377.

Chafe W. Do Speakers of Different Languages Think Differently? // Languages of the North Pacific Rim / Ed. by O. Miyaoka, M. Oshima. Graduate School of Letters. Kyoto: Kyoto Univ., 1998. Vol. 4. P. 1–16.

Dorian N. Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981.